

Его негодование уже стало переливаться через край.
— Я слышала, она хорошая девушка. Ты правильно поступаешь.

— У меня такое впечатление, что ты обрадовалась.
— Ну... А мне — горевать? — Я сжала кулаки так, что ногти врезались в ладони.

В это время, слава богу, зазвонил телефон. Я подбежала, сняла трубку и беспечно защебетала: «Да, это я, спасибо, минут через пять!» Звонила моя подруга Салимат, спрашивала, когда я пойду с ней вместе в университет за учебниками.

— Кто это? — заревел Хабиб.

— Так... Ты не знаешь...

— Ну-ка быстро говори, кто это!

Я, не обращая на него внимания, подошла к зеркалу, расчесала волосы, улыбнулась сама себе, склонилась над цветами. Эти розы казались мне не белыми, а черными.

— Еще раз спасибо за цветы, — сказала я, — они нежные, правда?

Он уже тер лицо обеими руками, я-то знаю, что он так делает, когда забашен.

— Ты что? Не понимаешь? Меня заставляют жиниться, а ты говоришь о проклятых цветах? — Он схватил бахарский кувшин и изо всех сил швырнул его об пол. Черепки и розы разлетелись в разные стороны.

— Не кричи! Разве ты не знаешь, что кричат только слабые люди, — сказала я и вышла на улицу.

Перед моими глазами кузнецы высекали искры, стучали молотами, разбивали жемчуг. Осколки летели во все стороны и превращались в железо... Я шла, высоко подняв голову, и улыбалась. Встречные смотрели на меня: то ли лицо мое было неестественно, то ли им казалось, что я тону и мне нужно протянуть руку помощи...

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

аливая все небо, багряно полыхал закат. Казалось, что земля и небо сомкнулись, а на горизонте полыхает огромный очаг, охваченный огнем; облака, ползущие над головой, походили на клубы дыма.

— Вабабай! Посмотрите, какой опять закат. Будет знойный день, — вздохнула бабушка. — Нет на дождь надежды...

— Хлеб горит... — плачуще сказала мама.

— Ничего. Будем надеяться, — успокаивала ее бабушка. — Вот увидишь, аллах еще сжалится, такой дождик пошлет! Все оживет, стебельки потянутся вверх, колосья нальются, опустятся к земле...

Подобные разговоры я слышу почти каждый день.

Послевоенное лето. Беды одна за другой. И теперь это, страшное. А мы-то надеялись, ждали, что после того, как отгримят пушки, мы наедимся хлеба досыта...

Бабушка сидит в старой братиной телогрейке, что-то шьет, закат отражается в стальной иголке, за иголкой тянется длинная черная нить. Лицо бабушки, хоть и похоже на сморщенное яблоко, которое случайно прописало на ветке всю зиму, светится огоньком — огньком надежды. Бабушка никогда ее не теряет.

— Нет, нет, без сомнения будет дождь! — говорит она сама себе.

— Ой, ладно! — сердито возражает мама. — Ты всегда путаешь желаемое и действительное... Строишь воздушные замки... Не ты ли говорила, что на яркую зарю можно надеяться, а уж от яркого заката добра не жди. Нет, не будет дождя! Рок висит над людьми! И чем только мы провинились! Четыре года голодали! — И мама заплакала.

— Делу не поможешь, если будешь слезами землю поливать вместо дождя, — проворчала бабушка и, правив очки, склонилась над шитьем.

Какие разные у меня бабушка и мама! Бабушка всегда найдет в жизни светлые тона, как тяжело ни приходится, всегда увидит даже в самой безнадежной ситуации обнадеживающее, ведь бывают и в непроходимом темном лесу светлые полянки, где можно отдохнуть.

Бабушка знает нужные слова, даже сам вид ее действует успокаивающе. Мама — совсем другое. Она с головой окунается в боль и горе. Часто слышим мы от нее: «Что теперь будет? О горе!» А теперь она повторяет на все лады: «Бедные мои сироты! Не будет, не будет дождя! Грозит нам всем голодная смерть!»

В последний раз взмахнув крыльями, догорел закат. Из бездонных ущелий медленно поползла темнота. Гора Акаро покерепела, стала таинственной и зловещей. Днем-то она походила на дикого серого коня, который, упрямко наклонив голову, застыл на мгновение в своем полете. А теперь, с наступлением темноты, она на глазах превращалась в могучего зверя, от которого хотелось бежать, скрыться, — того и гляди бросится вдогонку.

Бабушка встала, отряхнула с подола кусочки материи, шитье положила в самодельную шкатулку, которой служило старое сите: когда-то бабушка сняла дно и зашила шкрукой. Каждый день, выходя на залитое беспощадным солнцем крыльцо, бабушка начинала свою бесконечную штопку. Сейчас она аккуратно закрепила нитку, сняла с пальца наперсток. Наперсток был не простой, а серебряный, с чернью. Бабушка никогда с ним не расставалась.

— Подари мне этот наперсток, — попросила я. Из головы не шла старая легенда о том, как однажды призвали дождь.

— Ты же знаешь, доченька, мне для тебя ничего не жалко, но это не могу. Уж очень наперсток мне дорог! Ведь его подарила мне покойная мама, пусть земля ей будет пухом. Она надела мне его на палец, когда я выходила замуж. Бедная моя мама, она и не знала, что угадала мою судьбу. Дети остались сиротами, приходилось день и ночь перешивать лохмотья. Теперь вот и вы, бедняшки, осиротели, нужно латать, штопать... Вообще мама велела мне в детстве почаже надевать наперсток. А когда я подросла, стала взрослеть, она сказала: «К нам стали приходить матери взрослых сыновей. Они кладут в наперсток зернышко, а когда приходят снова, то потихоньку проверяют, на месте ли оно. Если на месте, то ты, как положено женщине, иглы не работаешь. Каждая мать хочет, чтобы ее невестка была трудолюбивой, чтобы стежки у нее были уверенные и ровные».

— Бабушка, подари наперсток! Мне очень нужно.

— Другой подарю. Этот такой работяга, жалко расставаться.

— Нет, бабушка, мне нужен этот... Ну, пожалуйста...

— Ладно уж, бери! Может, он принесет тебе счастье, — сказала бабушка и внимательно посмотрела на меня.

Мне показалось, что она догадывается...

Вечером, размельчая у очага крапиву для чуду, мама опять начала причитать:

— Крапива крошится, в этом году уж ни курсе, ни чуду не поесть... Война-то из домов все до последней крошки вымела. А ведь раньше и у последнего крестьянина в кармане было на три года семенного зерна!

— Хватит тебе! Никто не знает, что через час будет. Ты вот боишься, что не будет дождя, а, кто знает, может, ночью проливной хлынет!

— Как же, проливной, жди! — сказала мама и яростно застучала ножом по дощечке. — Вон небо ясное, точно глаз смытой козы!

Мы как по команде посмотрели на небо. Оно висело у нашего единственного окна, которое было вестником и зари и ночи для нашей хижины с земляным полом.

По темно-синему небу были рассыпаны миллионы звезд; и крупные, и средние, и совсем крохотные...

Это еще ничего не значит, аллах не раскрывает свои тайны. Вздохнуть не успеешь, а все переменится, небо тоже... Давай не будем говорить об этом. Если кричать: «Мед! Мед!» — во рту сладко не станет. Покоримся судьбе. Я вот тесто замесила, в крапиву положила нутряное сало для запаха...

— Ой, мать, чем мы судьбе покорнее, тем большее бьет она нас своим чугунным кулаком! Шутка ли, четверых сирот прокормить!

— Как весь аlam, так и мы! Ведь это общая беда. Разве ты видела, чтобы дождь лился хоть у кого-нибудь на делянке? Кого-нибудь поливал дождь, когда тебя и твоих детей жарило солнце?

— Желудок не залатаешь. Не все ли равно — голодаешь одному или в компании с другими?

— Наш удел терпеть все, что ни пошлет судьба! — назидательно сказала бабушка.

— А как терпеть, если беды одна за другой! — крикнула мама, действительно, кажется, потеряв терпение.

— Не выходи из берегов, — скучным голосом завела свое бабушка. — Река, когда выходит из русла, добра не делает, душит, губит, теряет напрасно свои воды... Соль положила? Начинка готова?

— Тьфу ты! Сама клади, а то потом «пересолено!», «недосолено!» — И мама с сердцем передвинула миску с зеленой крапивной кашей ближе к бабушке.

Спать я в этот день улеглась раньше всех, сказала, мол, голова болит, а под подушку положила наперсток, завязанный в платок. Я это сделала специально, надеялась, что все наши тоже последуют моему примеру и скорее улягутся. А бабушка если и догадалась о моем замысле, то всегда поможет, незримо будет со мной на каждом шагу.

Как только я положила голову на подушку, возня у очага перестала для меня существовать. Я перестала слышать голоса, перенеслась в легенду, которую мне рассказывала бабушка...

...Это случилось в те давние времена, когда земля была охвачена страшной засухой, когда горело все: и травы, и хлеба, и цветы; когда погибал скот и умирали люди. Верующие молились день и ночь, слабые плакали, сильные молчали.

Однажды ночью крестьянин (тот, у кого была красивая и нежная дочь Атигат) увидел во сне своего деда-нахари. В руках у деда маслом таяла земля. Он сказал внуку: «Надо спасать людей, Омар, сделать это возможно, хотя и трудно. Пусти твою dochь, моя правнучка, Атигат возьмет свой трудовой серебряный наперсток и, повторяя «жажда, жажда, жажда», пойдет к семи пещерам. Ей нужно набратать в наперсток воды из родника, что бьется в самой дальней, седьмой пещере, и принести домой. Но нужно успеть это сделать до рассвета, пока не видела ее ни одна живая душа. Пусть, подойдя к дому, бросит в наперсток зерно. Не успеет оно набухнуть, как пойдет дождь.

Сколько раз я видела себя в роли Атигат! Сколько раз мечтала пройти ее роковой путь. В легенде то ли дед позабыл сказать внуку, что девушка должна растворить в воде капельку крови, то ли сон крестьянина в этот момент прервался... Одним словом, Атигат растаяла, за-

искрилась вечным водопадом, как только вышла из ворот пещеры... Хотя никто, даже птица-зарянка, не видел ее...

Девушка стала водопадом, но в тот же час потемнели небеса, и долгие благодатные дожди напоили поля.

Конечно, после такой истории никто не осмеливался войти в ту пещеру.

В эти дни, дни засухи, когда голод мучил моих сестер и братьев, я не раз мысленно побывала в той пещере, нашла родник и зачерпнула наперстком воды...

Услышав ровное дыхание матери, храни бабушки, я встала, накинула платок и скользила в кулаке наперсток. Когда я выходила из дома, споткнулась. Раздался звон опрокинувшегося кувшина, на землю пролилась вода. Я поняла: бабушка обо всем догадалась. Это она поставила на моем пути полный кувшин, чтобы мне сопутствовала удача.

И вот я иду и приговариваю: «Жажда, жажда, жажда!» Мой голос звучит в ночной темноте как чужой. Это слово, которое я повторяю на все лады, постепенно теряет для меня смысл. Гора, к которой держу путь, смотрит грозно и зловеще и, кажется, отдаляется с каждым моим шагом. Несмотря на ночную прохладу, слышу хруст под ногами — ломаются стебельки цветов и трав. Их плач вливается мужеством в мою душу. Я уже не иду, я бегу. У подножия горы поднимаю голову, тропка смело вьется вверх под лунным светом, как серебряная ленточка. «Жажда, жажда, жажда!» — твержу я, во рту у меня сухо.

Гора, издали казавшаяся грозной, как разбойник, вблизи проще, светлее, ее освещенные луной бока будто улыбаются, подбадривая меня. «Жажда, жажда, жажда!» — твержу, и язык становится деревянистым. Хочется замолчать, упасть на колени с каждым родником, который встречаю здесь. Хоть и жадно дают они влагу, но глоток найдется для жаждущего. Я продолжаю повторять заветные слова, иду вперед и вспоминаю: зима, метель, лед, вода...

Но вот я стою на острой, как клин, скале. Точно выбитый глаз чернеет вход в пещеры; рядом пенится, словно раззвевается на ветру грива белого коня, водопад Атигат. Водопад разбивается на миллиарды капель, они ветром разносятся по сторонам. Капли голубые — те, на которые не падает свет луны, бриллиантовые — те, в которых на мгновение отразился свет ночной царицы.

«Пусть и я стану водопадом, как Атигат, пусть воды наши сольются, лишь бы кончились страдания людей, лишь бы прекратилась в нашем kraю беспощадная засуха!» — думаю я. Но тут — то ли озноб, то ли испуг — по телу побежали мурашки. Передо мной — одноглазый разбойник, пещера. Мне нужно перескочить через расщелину, а я боюсь прыгать; вдруг не долечу, вдруг упаду в пропасть? И больше никогда не увижу бабушку, маму, сестер... И не стану я ни дождем, ни водопадом... И тут доносится до меня рев: это, наверное, уносимые водой камни, а может, звуки ветра, а может, и голос Атигат, которая приказывает идти вперед и не бояться. «Жажда, жажда, жажда!» Я уже стою на самом kraю. Нет, не могу. Отпрянула. Обернулась. Внизу, словно горсть рассыпанных бус, белели дома моего аула. Вон там мой дом. Мне показалось, что на крыше мелькнула тень. Бабушка! «Жажда, жажда, жажда!» Я прыгаю. Я в пещере. Вот водопад. Вот я гляжу его мягкую влажную белую гриву. Вот иду, спотыкаясь о камни, темь такая, что хоть глаз выколи.

Я слышу свой голос. Он звучит* все отчаяннее, все дальше уходит шум водопада. На ощупь продвигаюсь дальше, нахожу вход во вторую пещеру; под ногами уже не камни, а что-то мягкое, словно рассыпан горох. И вдруг: «Тр-р-рах!» — разносится по всей пещере. Мне кажется, что с этим звуком из меня вылетает сердце. Я дрожу. Вскоре я понимаю, кто виновник шума. Моего лица и рук касаются крылья. Голуби.

Чем дальше уходила от водопада, тем становилось страшнее; чтобы найти вход в очередную пещеру, я должна была опуштать все стены. Страх, дрожь пронизывали меня, когда руки касались колючих, холодных стен. А вдруг там прячется змея или скорпион? А вдруг выскочит какой-нибудь зверь? Страшнее всего в самой дальней пещере, в утробе горы. Я ползла на животе, ища родник. Вот наконец вода! Я развязываю платок и... наперсток выпадает из моих рук. Я ползаю, ищу его, но не нахожу. На дне родника руки обжигают ледяной холод, на мгновение вытаскиваю их, стряхиваю воду, опять погружаю. Нет серебряного наперстка! Язык прилип к небу, слезы льются ручьями. Хочется кричать, звать на помощь, но я твержу: «Жажда, жажда, жажда!»

Не знаю, сколько времени искала заветный наперсток, но я слышала бесконечные звуки: «Гр-тр-ах!» Это

улетали голуби из пещеры — день на улице. Над головой размеженное мирное небо. Встаю на цыпочки, касаюсь мягкого, живого — голубиные гнезда. Рука натыкается на что-то очень твердое. Опускаю наперсток в родник, наполняю его водой, колю булавкой палец, выжимаю капельку крови. Бросаю в наперсток зернышко и завороженно говорю: «Жажда, жажда, жажды!» Так целую вечность...

Из пещеры я выбралась быстро. Но как перепрыгнуть через расщелину? Я стою, не знаю, что делать, и страх поднимается огнем у меня по горлу. Чуть не забыла о волшебных словах! Чуть все не испортила! И тут я слышу голос бабушки. «Совершить такой подвиг может только тот, кто очень любит свою землю, свой народ. Атигат любила. Доченька, человек должен крепко верить в то, что он делает. Атигат верила. И этот водопад — вечно живой памятник ей. Человек умирает, но подвиг, совершенный им ради своего народа, — бессмертен».

Мое тело становится легким. Я карабкаюсь вверх по скале. Крепко держась за выступы, тянувшись всем телом, шаг за шагом. Вот и сравнялась с противоположной скалой и прыгнула на маленькую площадку. Теперь я все делаю без страха, повторяя: «Жажда, жажда, жажды!» Когда все позади, от радости ли, от того ли, что покинули силы, я продолжаю стоять. Из оцепенения меня вывел шум водопада. По телу пробегает легкая дрожь. Крепко зажав в руках наперсток, я бросилась бежать...

Дома у нас свет не горел. Я тихонько открыла дверь. В ноздри ударил аромат хлеба. Спрятав наперсток, я нашунала завернутые в полотенце лаваш и сыр...

Проснулась я от грохота, блеска молний, от криков. Мы выскочили на улицу, я поднялась на крышу. Бабушка, мама, наши аулчане стояли под проливным дождем, протянув руки к небу. «Дождь, благодать!» — кричали они. А я молчала. Ведь я должна сохранить свой секрет. Чудеса случаются редко. Но если крепко верить в чудо, то оно все-таки случится.